DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-1-6-21 УДК 330.35 IFI 049

Российская экономика: поиск эффективной стратегии

Е.Б. Ленчук,

Институт экономики РАН, Москва, Россия http://orcid.org:/0000-0002-8639-0833

В.И. Филатов,

Институт экономики РАН, Москва, Россия http://orcid.org:/0000-0002-8119-5836

РИЗИВЕТОННА

Предмет. Предметом исследования статьи стал анализ подходов к формированию долгосрочной стратегии развития российской экономики в контексте перехода на новую модель экономического роста, обеспечивающую стабильное и динамичное развитие национальной экономики.

Цель. Авторы поставили перед собой следующие основные задачи: первая — исходя из оценки сложившейся ситуации в российской экономике, сформулировать целевые ориентиры для повышения экономической динамики российской экономики. Вторая — изучить предложения и рекомендации ведущих институтов и центров по выводу ее на траекторию устойчивого роста. Третья – дополнить и уточнить эти предложения и рекомендации собственными предложениями.

Методы. Проведенный в статье анализ материалов Центра стратегических разработок (руководитель — А. Кудрин) и программа «Стратегии роста» (руководитель — Б. Титов) позволили выделить те предложения и рекомендации, которые могут быть использованы при подготовке долгосрочной программы экономического роста страны.

Результаты. В статье предложены структурные приоритеты экономического роста и выявлены особенности проведения ускоренной технологической модернизации промышленного потенциала и масштабного инфраструктурного обустройства страны, что способно существенно дополнить и расширить рекомендации и предложения ведущих экономических центров и в конечном итоге существенно ускорить решение экономических и социальных проблемы страны.

Ключевые слова: экономическая динамика; модель экономического роста; инструменты стратегического планирования; технологическая модернизация промышленного потенциала; кредитная эмиссия.

Для цитирования: Ленчук Е.Б., Иванов В.И. Российская экономика: поиск эффективной стратегии // Мир новой экономики. 2018. Т. 12. Вып. 1. С. 6-21.

DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-1-6-21 UDC 330.35 JEL O49

The Russian Economy: Searching for Effective Strategy

E.B. Lenchuk,

Institute of Economy, RAS, Moscow, Russia http://orcid.org:/0000-0002-8639-0833

V.I. Filatov,

Institute of Economy, RAS, Moscow, Russia http://orcid.org:/0000-0002-8119-5836

ABSTRACT

Subject. The subject of the article is an analysis of approaches to the definition of a long-term strategy for the development of the Russian economy in the context of the transition to a new model of economic growth that will ensure a stable and dynamic development of the national economy.

Goals. The authors set themselves the following main tasks: the first is to define targets for improving the economic dynamics of the Russian economy based on the assessment of the current situation in the Russian economy. The second is to study the proposals and recommendations of the leading institutions and centers for bringing the economy to the trajectory of sustainable growth. The third is to supplement and clarify these proposals and recommendations with their own proposals.

Methods. The analysis of the materials of the Center for Strategic Research (headed by A. Kudrin) and the "Growth Strategies" program (headed by B. Titov) made it possible to identify those proposals and recommendations that can be used to prepare the country's long-term economic growth program.

Results. The article suggests structural priorities for economic growth and specifies the features of accelerated technological modernization of industrial potential and large-scale development of the country's infrastructure, which can significantly complement and expand the recommendations and proposals of leading economic centers and, at the end, significantly accelerate the solution of the country's economic and social problems.

Keywords: economic dynamics; model of economic growth; tools of strategic planning; technological modernization of industrial potential; credit emission.

For citation: Lenchuk E.B., Filatov V.I. The Russian Economy: Finding an Effective Strategy. Mir novoj jekonomiki = World of new economy, 2018, vol. 12, iss. 1, pp. 6–21. (In Russ.).

чередная рецессия российской экономики (2015–2016 гг.) активизировала дискуссию о перспективах ее развития. Актуальность такой дискуссии усиливалась рядом обстоятельств.

Во-первых, в профессиональном сообществе, да и в российском обществе целом, нарастает понимание исчерпанности сложившейся в 2000–2008 гг. модели экономического роста, которая основывалась на стабильном возрастании доходов от экспорта сырьевых ресурсов (прежде всего — энергетических) и наличии значительных резервных мощностей в отраслях обрабатывающего сектора. Неслучайно, что с 2008 г. российской экономике не удавалось выйти на докризисные темпы экономического роста,

во второй половине 2012 г. она вступила в стадию затухания, а с 2015 г.— в рецессию, которая была преодолена лишь к концу 2016 г.

Следует отметить, что среднегодовые темпы прироста ВВП за весь постсоветский двадцатипятилетний период не превысили и 1%, существенно уступая как среднемировым темпам экономической динамики (3,5%), так и экономическому росту развивающихся стран (4,9%). В итоге в 2015 г. ВВП на душу населения в России по паритету покупательной способности (ППС) оценивался на уровне 23 703 долл. США, снизившись на 7% по сравнению с 2013 г., что составляло 49,4% (47 999 долл. США) от уровня аналогичного показателя ФРГ и 42,3%

№ 1/2018

(56066 долл. США) от уровня США. По показателю ВВП на душу населения Россия уступила даже Португалии (29694 долл. США)¹.

При этом восстановление объема ВВП после трансформационного кризиса 1991–1998 гг. не сопровождалось восстановлением технологического потенциала национальной экономики. Так, индексы промышленного производства по трем видам деятельности, определяющим технологический уровень экономики (производство машин и оборудования; производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования; производство транспортных средств и оборудования) составляли в 2008 г. 63,3, 137,1, 59,7% соответственно от уровня 1991 г. По итогам 2016 г. их значение снизилось до 45,7, 119,2, 66,2% соответственно от уровня 1991 г.² Заметный прирост производства электрооборудования, электронного и оптического оборудования связан с развитием «отверточной сборки» персональных компьютеров и телевизионной аппаратуры, а не восстановлением собственных технологических компетенций.

В результате в 2016 г. выпуск отдельных видов инвестиционного оборудования относительно 1990 г. серьезно упал: турбин для электроэнергетики (млн кВт) — в 3,8 раза; электродвигателей постоянного и переменного тока — в 3 раза; прокатного оборудования (тыс. т) — в 20 раз; металлорежущих станков — в 19 раз; кузнечно-прессовых машин — в 9,8 раза; тракторов для сельского и лесного хозяйства — в 12 раз; зерноуборочных комбайнов — в 10,2 раза; комбайнов кормоуборочных — в 20,3 раза; доильных установок — в 3 раза; прядильных машин — в 167 раз; ткацких станков — в 270 раз. Прекращен выпуск фотоаппаратуры и радиоприемников³.

В таких условиях возникает реальная угроза «зависания» страны в экономической стагнации на длительной период, что чревато дальнейшим нарастанием отставания от ведущих экономик мира — как по показателю душевого ВВП, так и по совокупной экономической мощи от динамично развивающихся экономик Китая и Индии и переходом России в разряд стран третьего сорта с высокой

степенью риска запуска процессов региональной дезинтеграции страны. В этой связи выход на устойчивые динамичные темпы экономического роста должен рассматриваться в качестве важнейшей задачи экономической политики, от решения которой будут зависеть и темпы прироста благосостояния российских граждан.

Во-вторых, актуальность дискуссии обусловлена наступлением нового политического цикла, прежде всего, предстоящих в 2018 г. выборов президента РФ и предусмотренной законами политического жанра необходимостью подведения итогов завершающегося президентского срока и формирования нового «видения будущего». В таком контексте могут рассматриваться зачитанный в прошлом году отчет Правительства о выполнении известных майских Указов Президента РФ 2012 г., а также представление Президенту РФ альтернативных концепций экономической политики на предстоящий президентский срок, т.е. до 2024 г. В числе таких концептуальных материалов, прежде всего, следует отметить программу широкомасштабных реформ, содержание которых раскрывается в серии докладов Центра стратегических разработок (ЦСР) под руководством А. Кудрина [1–6], а также Стратегию роста, подготовленную группой экономистов, объединившихся в Столыпинском клубе (URL: http://stolypin.institute/wpcontent/uploads/2017/10/strategiya-rosta-28.02.2017. pdf) и разрабатываемые в Минэкономразвития РФ сценарные условия прогноза долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2035 г.

Опыт прошедших 25 лет, когда происходила трансформация российской экономики, достаточно убедительно показал ограниченность возможностей рыночного саморегулирования для долгосрочного развития, требующего разрешения целого комплекса структурных проблем в экономической, социальной, технологической и оборонной сферах. В то же время разрабатываемые государственные и федеральные целевые программы по развитию отдельных секторов национального хозяйства и промышленности недостаточно взаимосвязаны между собой и с имеющимися ресурсами, что негативно влияет на эффективность их реализации и общую результативность в контексте структурной модернизации национальной экономики.

К началу второго десятилетия двухтысячных в профессиональном сообществе и у руководства России усилилось понимание необходимости формирования системы государственного стратегического

¹ Россия в цифрах 2017. Росстат. М., 2017. С. 510, 511.

² Россия в цифрах 2010. М., 2010. С. 209, 210; Россия в цифрах 2015. Росстат. М., 2015. С. 240, 241.

³ Россия в цифрах 2010. Краткий статистический сборник. Росстат. М., 2010. С. 236–240; Россия в цифрах 2015. Росстат М., 2015. С. 264–268; Промышленность России 2014. Росстат. М., 2014. С. 189–195; Россия в цифрах 2017. Росстат. М., 2017. С. 234–237.

планирования для решения долгосрочных задач социально-экономического развития. Результатом такого понимания стала разработка и принятие Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее — ФЗ № 172), в рамках которого содержание стратегического планирования понимается как деятельность по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социальноэкономического развития Российской Федерации, а также ее субъектов, сфер деятельности и отраслей национальной экономики. В ФЗ № 172 такими инструментами стратегического планирования определены долгосрочный и среднесрочный прогнозы социально-экономического развития России; стратегия социально-экономического развития РФ и стратегии важнейших сфер деятельности и отраслей промышленности, макрорегионов и субъектов Российской Федерации; государственные программы развития важнейших сфер деятельности и отраслей национального хозяйства, регионов и субъектов РФ.

Однако к настоящему времени Минэкономразвития так и не смогло представить на суд общественности Стратегию социально-экономического развития страны на долгосрочный период. Попытка реализации предложенной в Федеральном законе программы формирования системы взаимосвязанных документов стратегического планирования столкнулась с трудностями в разработке основополагающих документов, и в результате ее перенесли на более поздние сроки.

В соответствии с Федеральным законом от 23.06.2016 № 210-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О стратегическом планировании в Российской Федерации"» до 1 января 2017 г. должен быть разработан стратегический прогноз Российской Федерации, до 1 января 2018 г. — стратегия социально-экономического развития на долгосрочный период и до 1 января 2019 г. — другие документы стратегического планирования (планы и программы), учитывающие положения указанных основополагающих документов.

Перенос сроков разработки одного из важнейших документов, определяющего перспективы социально-экономического развития страны, скорее всего, свидетельствует об утрате в Минэкономразвития компетенций и экспертного потенциала по разработке документов такого масштаба, призванных формировать конкретный образ будущего страны. В результате к настоящему времени из пакета документов стратегического планирования разработаны:

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации; Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г. (одобрен в ноябре 2013 г.); Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. (утверждена Указом Президента РФ от 13.05.2017 № 208); Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ 01.12.2016 № 612). Кроме того, в стадии реализации находятся 42 государственные программы развития различных сфер деятельности, отраслей национальной экономики и промышленности, основная масса которых принята еще до выхода ФЗ № 172. Срок действия большинства программ заканчивается в 2020 г.

В ФЗ № 172 разработке Стратегии развития социально-экономического развития страны, как и Стратегии национальной безопасности, должно отводиться центральное значение, поскольку этот документ стратегического планирования должен определять и формулировать систему долгосрочных приоритетов, целей и задач долгосрочного социально-экономического развития и основные (концептуальные) подходы к их решению. Далее такие цели и задачи должны реализовываться через систему государственных, отраслевых, ведомственных, а также региональных программ.

Следует отметить, что в ст. 16 ФЗ № 172 четко прописаны основные требования к содержанию Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации, которая должна содержать:

- оценку текущей социально-экономической ситуации и степени достижения целей социально-экономического развития Российской Федерации;
- определение целей социально-экономического развития Российской Федерации и целевых показателей на долгосрочный период, а также условий, факторов ограничений и рисков при их достижении с учетом задач обеспечения национальной безопасности Российской Федерации;
- определение основных приоритетов и задач социально-экономической политики на долгосрочный период, обеспечивающих достижение целей социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации;
- приоритеты и направления регионального развития Российской Федерации;
- оценку позиций Российской Федерации в мировой экономике и их
  - изменения на долгосрочный период;

- - обоснование основных реформ и программ, необходимых для достижения целей социальноэкономического развития Российской Федерации;
  - основные направления, мероприятия и механизмы реализации стратегии социально-экономического развития Российской Федерации.

Ограниченные рамки статьи не дают возможности рассмотреть сформировавшиеся подходы по всем вопросам, которые, согласно требованиям ФЗ № 172, должны в той или иной мере отражаться в стратегии долгосрочного социально-экономического развития. Кроме того, отмеченные документы, за исключением подготовленных в Минэкономразвития РФ сценарных условий нового долгосрочного прогноза, разрабатывались вне рамок регламента ФЗ № 172, что определяло свободный выбор авторами формата документов. В этой связи имеет смысл остановиться на главных проблемах, определяющих, с нашей точки зрения, стержень стратегии социально-экономического развития в предстоящей перспективе до 2030 г. и далее, вокруг которого выстраиваются требующие решения задачи и подходы, обеспечивающие достижение целевых установок развития.

О СТРАТЕГИЧЕСКИХ **ЦЕЛЯХ РАЗВИТИЯ**

То, что за прошедшие четверть века России, несмотря на все издержки трансформационного периода, не удалось сократить исторический разрыв с ведущими экономиками мира по уровню и качеству жизни основных слоев населения, преодолеть технологическое отставание в гражданских секторах экономики, не означает, что такие цели недостижимы, а следовательно, и утопичны в качестве ориентиров для выстраивания реальной экономической политики. Анализ лучших мировых практик показывает, что при использовании адекватных инструментов такой политики страны добивались впечатляющих результатов, не только сокращая отставание в тех или иных сферах экономической деятельности, но и выходя на лидирующие экономические позиции (Япония, Южная Корея, КНР) [7].

Таким образом, и в перспективном периоде для России остаются актуальными две стратегические цели. Первая — существенно сократить за относительно короткие сроки (15-20 лет) разрыв с ведущим экономиками мира в уровне и качестве жизни широких слоев российских граждан. Вторая — преодолеть технологическое отставание от стран-лидеров и обеспечить технологическую конкурентоспособность

национального хозяйства с ведущими экономиками, т.е. стать одним из таких технологических лидеров.

Материальную основу для решения отмеченных задач формирует рост ВВП, выступающий в роли интегрального показателя масштабов экономической деятельности, среднегодовые темпы прироста которого характеризуют скорость развития экономики во времени. Это важно для формирования экономической политики, имеющей вполне конкретные временные измерения.

Естественно, что экономическое развитие имеет не только количественную сторону, но и качественную, особенно в контексте уровня и качества жизни, а также глобальной конкурентоспособности национальной экономики, о чем уже говорилось выше. Экономический рост не имеет смысла без улучшения уровня благосостояния людей, так же, как рост такого благосостояния невозможен без наращивания общего экономического потенциала национального хозяйства.

К НАСТОЯЩЕМУ ВРЕМЕНИ ОПРЕДЕЛИЛИСЬ ДВА ПОДХОДА К ФОРМИРОВАНИЮ ТЕМПОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Первый ориентируется на известное указание Президента РФ В. Путина о необходимости выхода к 2020 г. на среднегодовые темпы прироста российской экономики по уровню не ниже среднемировых (URL: http://www.kremlin.ru/events/president/ news/5379). Ориентировочно (в условиях прогнозируемых трендов развития мировой экономики) это должны быть темпы не ниже 3-3,5% среднегодового прироста ВВП на достаточно длительном временном тренде. На такие темпы экономической динамики ориентируются прогнозные документы Минэкономразвития и стратегия ЦСР. При таких темпах можно рассчитывать на рост объема ВВП России в 1,4 раза к 2030 г., однако они вряд ли смогут обеспечить значительное сокращение разрыва по уровню общего экономического развития (показателю ВВП на душу населения по ППС) от ведущих мировых экономик, а следовательно, по уровню и качеству жизни широких слоев российского населения.

Расчеты показывают, что при превышении среднегодовых темпов экономической динамики на 1% для преодоления двукратного разрыва по размеру душевого ВВП потребуется 70 лет. Если превышение будет составлять 2% — 35 лет; при 3%-ном превышении — 25 лет; 4%-ном — 18 лет; 5%-ном — 15 лет. Естественно, оценки носят приблизительный характер, поскольку не учитывают демографический фактор, который, однако, в «старой Европе» и России имеет схожую направленность. Если предположить, что ФРГ как экономическому локомотиву ЕС удастся и впредь на долгосрочном временном тренде поддерживать среднегодовые темпы прироста ВВП на уровне до 2,5%, то экономика России, при среднегодовых темпах прироста ВВП на уровне 4,5%, сравняется с ФРГ по душевому ВВП к 2055 г.; при темпах среднегодового прироста ВВП на уровне 5,5% — к 2045 г., а при темпах экономической динамики на уровне 6,5% — к 2038 г.

Естественно, приведенные оценки имеют значение не с точки зрения статистических упражнений. При всей условности оценок они должны учитываться при формировании долгосрочной стратегии социально-экономического развития Российской Федерации. При этом следует понимать, что речь должна идти о политическом выборе между необходимостью ускорения экономической динамики и целесообразностью сохранения сложившегося экономического равновесия со среднегодовыми темпами прироста ВВП на уровне 2–3% и консервацией всех сложившихся структурных диспропорций в российской экономике.

Как представляется, с учетом всего складывающего комплекса геополитических и внутренних социально-экономических проблем, для России в качестве нижнего предела экономической динамики на предстоящие двадцать лет (2020–2040 гг.) следует ориентироваться на 4,5% среднегодового прироста ВВП, а целевого (желательного) — не ниже 5,5%, что позволит увеличить его объем за период 2020-2040 гг. в 2,9 раза и сравняться с ФРГ по уровню ВВП на душу населения к 2045 г. При среднегодовом приросте ВВП России на уровне 6% объем российского ВВП возрастет за 20 лет в 3,2 раза, что позволит поддержать долю российской экономики в мировом хозяйстве относительно формирующихся центров экономической мощи в лице Китая и Индии и догнать к 2040 г. ФРГ по уровню душевого ВВП.

Проблема экономического роста имеет комплексный многоаспектный характер — воспроизводственный, структурный, технологический, ресурсный, внешнеэкономический, институциональный. Отмеченные аспекты обладают внутренней связью и взаимозависимостью, что должно учитываться при формировании практической политики в контексте ускорения динамики национальной экономики.

Следует отметить, что к настоящему времени в экспертном сообществе, как у сторонников «свободной игры рыночных сил», так и в среде сторонников усиления государственного дирижизма, сложился консенсус по поводу необходимости увеличения роста эффективности функционирования существующих государственных институтов, регулирующих экономическую жизнь общества. И в предложениях ЦСР, и в Стратегии роста отмечается необходимость существенного сокращения административного давления на бизнес, реформирования судебной системы и правоохранительной деятельности, прозрачности распределения государственной поддержки субъектов экономической деятельности и допуска к государственным закупкам, кадровой реформы. Различия могут быть в деталях, тогда они будут уточняться специалистами по конкретным аспектам таких реформ.

В то же время, как представляется, структурный аспект экономического роста имеет первостепенное значение, поскольку формирует исходные представления о будущей материальной структуре экономики. Такая структура, в свою очередь, диктует требования к количеству и качеству необходимых технологических и кадровых ресурсов, инвестициям и их источникам, воспроизводственной и институциональной среде для их эффективного использования, т.е., по сути, формирует каркас будущей экономики.

СТРУКТУРНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

При анализе выступления А. Кудрина складывается впечатление, что подготовленная программа реформ не содержит конкретных приоритетов структурной модернизации российской экономики, а исходит из необходимости повышения совокупной факторной производительности на основе увеличения инвестиций в отрасли с наибольшим мультипликатором для прироста добавленной стоимости и роста несырьевого экспорта. Для выхода из состояния стагнации необходимо адекватное и быстрое переустройство государства и экономики. Соответственно, и структурные приоритеты развития российской экономики видятся в переходе в «постиндустриальную эру» высокотехнологичных услуг на основе широкого распространения информационных и цифровых технологий, а также биологических и когнитивных технологий. Необходимо перераспределение ресурсов в пользу человеческого капитала (образование и здравоохранение), что должно способствовать росту глобальной

конкурентоспособности человеческого потенциала страны и привлечению в Россию внешних инвестиций. Поскольку Россия отстает в технологическом лидерстве, то важным условием реализации такого сценария становится приток иностранных инвестиций и технологий, а нормализация отношений с «геополитическими партнерами» — необходимым условием реализации всей конструкции экономического роста [4, 6].

Такой подход основывается на необходимости вписываться в мировые тренды формирующейся новой технологической, экономической и социальной реальности, в которой цифровой капитал становится важнейшим фактором, определяющим различия в темпах экономического роста между странами. Целевой функцией предприятий и государства становится ориентация на «мировые рекорды» на глобальных рынках товаров и услуг, а структурные изменения в глобальном инвестиционном портфеле приводят к сближению капитальных и операционных затрат. В таких условиях главной функцией государства становится привлечение интеллектуального капитала и формирование пространства опережающего технологического регулирования для выхода частного сектора на передовые рубежи на глобальных рынках [6].

Вместе с тем восстановление и поддержание высоких темпов экономической динамики в контексте национальной экономической повестки, о которой говорилось выше, потребует формирования новых стабильных конкурентных рынков для развивающихся секторов национального хозяйства. Такие рынки могут быть ориентированы либо преимущественно на внутренний спрос в России, либо — за ее пределы. В этой связи вряд ли стоит рассчитывать на то, что оцифровывание сектора услуг или даже наращивание экспорта медицинских услуг и программного продукта смогут стать заметным драйвером экономического роста. Да и высококвалифицированные специалисты должны найти место для приложения своих знаний и способностей в национальной экономике, а не превращаться в «статью экспорта» для роста ВВП геополитических конкурентов.

С этих позиций структурные ориентиры Стратегии роста Столыпинского клуба представляются более сбалансированными. Они, по сути, охватывают все основные секторы национальной экономики: восстановление производства товаров широкого потребительского спроса; широкомасштабную модернизацию отраслей обрабатывающего сектора в целях существенного повышения производитель-

ности труда; модернизацию отраслей добывающего комплекса в направлении повышения степени переработки добываемых сырьевых ресурсов; новую индустриализацию и формирование «экономики будущего», а также жилищное строительство и инфраструктурное обустройство территории; развитие АПК.

Однако следует заметить, что выделение структурных приоритетов должно опираться на видение задач, решение которых обеспечит достижение целевых установок развития национальной экономики. В сложившихся условиях в качестве наиболее актуальных задач национальной экономической повестки могут быть выделены следующие:

- обеспечение высоких темпов экономической динамики, что предполагает масштабное расширение спроса на продукцию национальных производителей и его поддержание в течение длительного времени;
- преодоление технологической зависимости от основных конкурентов, повышение технологической конкурентоспособности и превращение страны в одного из мировых технологических лидеров;
- диверсификация экспортного потенциала национальной экономики, расширение товарной номенклатуры экспорта за счет высокотехнологичной продукции с высокой добавленной стоимостью, что позволит снизить зависимость экспортных доходов от мировых цен на продукцию ТЭК.

Отмеченные задачи тесно взаимосвязаны, поскольку их решение предполагает проведение широкомасштабной реиндустриализации (восстановления промышленного потенциала) российской экономики на современной технологической основе. Однако с точки зрения конкретного товарного (следовательно, и отраслевого) наполнения каждое из направлений имеет свои особенности.

Как отмечалось выше, динамичный рост экономики должен опираться на устойчивый и возрастающий на длительном временном интервале внутренний или внешний спрос на продукцию национальных производителей. При этом масштабы такого потенциального спроса имеют определяющее значение. Расширение внутреннего спроса опирается на платежеспособность населения и инвестиционную активность в экономике. В таком контексте импортозамещение должно рассматриваться как потенциальный рынок для национальных производителей, целесообразность освоения которого в различных секторах зависит от их масштабов, а также влияния на развитие экономического потенциала страны.

Существующие структурные и технологические ограничения для динамичного масштабного наращивания экспорта на основе диверсификации товарной номенклатуры пока не позволяют рассматривать такое наращивание, как реальный фактор ускорения экономической динамики, что, естественно, не отменяет задачи поддержки экспорта широкой товарной номенклатуры. В таких условиях встает задача формирования масштабного внутреннего спроса, который сможет удовлетворяться, главным образом, за счет внутренней экономики [8].

Представляется, что в качестве таковой может выступать задача масштабного инфраструктурного обустройства страны, реализация которой будет осуществляться через ряд взаимосвязанных мегапроектов, направленных на заселение и обустройство национальной территории. При этом обустройство понимается в самом широком смысле: жилищная и гражданская инфраструктура, транспортная инфраструктура, экология и т.д.

Стержневым элементом (мегапроектом) может стать программа динамичного решения жилищной проблемы — удвоение за 20 лет жилищного фонда страны, что позволит довести уровень обеспеченности российских граждан жильем до уровня ведущих европейских стран, т.е. примерно 40 кв. м на человека.

В основе такой программы должно лежать развитие современного малоэтажного жилищного строительства на выделяемых территориях вдоль важнейших автомобильных магистралей и скоростных ЖД между крупными административными центрами. Суть стратегии состоит в том, чтобы прекратить стягивать население в крупнейшие мегаполисы, как это происходит в настоящее время, а начать экономически осваивать территорию страны. Необходимо не экономить на инфраструктуре, а рассматривать ее развитие как локомотив длительного и устойчивого экономического роста. Такая система расселения может опираться на городские поселения от 5–10 тыс. жителей, располагаемые между крупными городами южного пояса Сибири.

Инструментом реализации такой стратегии может стать социальная ипотека для граждан, жилищные условия которых не отвечают современным стандартам. Для реализации целевых ориентиров программы ввод общей площади жилья в стране должен быть доведен минимум до 150 млн кв. м в год, т.е. увеличен в 1,8 раза по сравнению с 2015 г. Программа обустройства поможет задействовать имеющиеся резервные мощности стройиндустрии и трудовые

ресурсы невысокой квалификации, сгенерировать рост спроса на стройматериалы, продукцию металлургии, строительную технику и транспортные средства. Учитывая масштабы страны, невысокий уровень обеспеченности жильем и инфраструктурной обустроенности территории, реализация такой программы может стать драйвером роста на несколько десятилетий. При этом важно, что инвалютная составляющая (доля в затратах) реализации такой программы должна быть невысокой.

Программа инфраструктурного обустройства страны должна опираться на перспективную рациональную схему территориальной организации развития производственного потенциала и расселения населения, которые, в свою очередь, должны учитывать стратегии и программы развития и размещения важнейших секторов национального хозяйства. Отметим, что в советский период аналогичная задача решалась в рамках Генеральной схемы развития и размещения производительных сил СССР на пятнадцатилетний период как основного предпланового документа для обоснования инвестиционной программы следующего за текущим пятилетнего плана. Схема разрабатывалась Советом по изучению производительных сил (СОПС) Госплана СССР с привлечением всех союзных отраслевых министерств (кроме отраслей ВПК) и госпланов союзных республик.

РЕСУРСЫ ДЛЯ «ЗАТУХАЮЩЕЙ ЭКОНОМИКИ»

Другим приоритетом структурной политики в предстоящий период должна стать технологическая модернизация производственного потенциала. Произошедшая в России в 90-е гг. деградация промышленного потенциала в наибольшей степени коснулась машиностроительного комплекса и прежде всего производства машин и оборудования для различных секторов национальной экономики. При этом важно иметь в виду, что именно качественный уровень промышленного оборудования формируют технологический уровень продукции, а следовательно, и конкурентоспособности широкого круга отраслей национального хозяйства. Улучшение качественных характеристик промышленного оборудования является важнейшей сферой инновационной деятельности. С другой стороны, реализация технологических инноваций в различных отраслях национального хозяйства требует применения адекватного (как правило, инновационного) технологического обо-

рудования. Следовательно, масштабное сокращение объемов выпуска и возрастание доли импорта в используемом в России парке промышленного оборудования формируют основу для роста технологической зависимости страны и ослабления потенциала для реализации собственных инновационных разработок, требующих, как правило, нового технологического оборудования.

В докризисном 2013 г., когда еще наблюдался рост экономики, по данным Росстата, импорт в Россию машин, оборудования и транспортных средств из стран дальнего зарубежья составил 140 млрд долл. США, или 50,8% от общего объема импорта по данной группе стран. При этом российский экспорт машин, оборудования и транспортных средств в страны дальнего зарубежья составил в 2013 г. лишь 16,4 млрд долл. США, или 3,6% от общего объема российского экспорта в эти страны, увеличившись до 18 млрд долл. США по результатам 2015 г. Таким образом, Россия оставалась чистым импортером машин и оборудования различного назначения из стран дальнего зарубежья с отрицательным сальдо в размере порядка 125 млрд долл. США⁴. По результатам 2016 г., объем импорта машин, оборудования и транспортных средств сократился до 81,8 млрд долл. США, что составило 50,2% от общего объема импорта из стран дальнего зарубежья. При этом объем российского экспорта машин, оборудования и транспортных средств в страны дальнего зарубежья возрос до 18 млрд долл. США, что увеличило долю данной товарной группы с 3,7 до 7,3% от общего объема экспорта в страны дальнего зарубежья. Отметим при этом, что общий объем российского экспорта в страны дальнего зарубежья сократился с 452 до 248 млрд долл. США, или на 45%⁵.

Если сравнивать объемы импорта машин и оборудования из стран дальнего зарубежья с объемами национального производства аналогичных видов продукции (машины и оборудование, электрооборудование, электронное и оптическое оборудование, транспортные средства и оборудование), то в 2016 г. доля импорта по стоимости сократилась с 79 до 74,7% по отношению к объемам внутреннего производства (отгруженной продукции), а с учетом импорта машин и оборудования из стран СНГ — с 87 до 78,9%.

В результате доля импорта на внутреннем рынке по рассматриваемой товарной группе составила 44% против 45,3% в 2013 г. ^{7}

Разумеется, что не весь объем импорта, отражаемый Росстатом в рассматриваемой товарной позиции (машины, оборудование и транспортные средства), может относиться к инвестиционным товарам. Анализ таможенной статистики, с определенной долей погрешности, позволяет определить масштабы импорта машин и оборудования неинвестиционного назначения из стран дальнего зарубежья, доля которого составляет порядка трети от общего объема импорта по данной товарной группе.

В сложившихся условиях фактор капитала (в вещественной форме инвестиционного оборудования) выступает основным ограничением ускорения экономического роста российской экономики при высоком уровне обеспеченности энергетическими и сырьевыми ресурсами и достаточно емком внутреннем рынке Евразийского экономического пространства. Если рассматривать сценарий перехода на устойчивый экономический рост с высокими темпами экономической динамики, то он потребует, прежде всего, увеличения инвестиционной активности минимум до 30% ВВП, т.е. прироста объема инвестиций на 11 трлн руб. в год в ценах 2016 г., из которых около 5 трлн руб., или 82,4 млрд долл. США, должны составлять машины и оборудование. В условиях реализации такого сценария экономического развития общая потребность в машинах и оборудовании инвестиционного назначения может быть оценена в 11,1 трлн руб., что в 2,4 раза превышает объем их национального производства в 2016 г., а потенциал импортозамещения по оборудованию инвестиционного назначения — 6,5 трлн руб. (в ценах $2016 \,\mathrm{r.})^8$. Кроме того, не менее 1,5 трлн руб. может составлять потенциал импортозамещения от локализации производства комплектации для автомобильной промышленности и производства бытовой техники длительного пользования. Таким образом, на основе импортозамещения инвестиционного оборудования может быть сформирован достаточно емкий рынок (спрос) на широкую номенклатуру промышленной продукции, удовлетворение которого должно способствовать росту общей экономической динамики и стать важнейшим направлением широ-

 $^{^4}$ Россия в цифрах 2014. Краткий статистический сборник. Росстат. М., 2014. С. 529, 531, 532, 534.

⁵ Россия в цифрах 2017. Росстат. М., 2017. С. 484–491.

⁶ Рассчитано на основе данных: Россия в цифрах 2014. Росстат. М., 2014. С. 264, 266, 268.

 $^{^7}$ Рассчитано на основе данных: Россия в цифрах 2017. Росстат. М., 2017. С. 484–489.

 $^{^{\}rm 8}$ Рассчитано на основе данных: Россия в цифрах 2017. М., 2017. С. 33, 423.

комасштабной реиндустриализации и диверсификации (новой индустриализации) промышленного потенциала России.

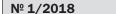
Такое импортозамещение может осуществляться в направлении структурной вертикальной и горизонтальной «достройки» сложившихся отраслей основной специализации российской экономики (ТЭК, химия и нефтегазохимия, АПК, лесное хозяйство и лесопереработка, оборонная промышленность) с учетом потребностей других государств формируемого Евразийского экономического Союза (ЕАЭС) для повышения их структурной сбалансированности и устойчивости развития [8].

Следует отметить, что особенностью предстоящего долгосрочного периода экономического развития страны станет усиление ограничений для экономического роста со стороны трудовых ресурсов в связи с неблагоприятными демографическими трендами, которые носят долгосрочный характер. Таким образом, для России в предстоящем долгосрочном периоде темпы экономической динамики будут непосредственно зависеть от темпов роста производительности труда. Если страна активно вступит на путь реиндустриализации и масштабной технологической модернизации производственного аппарата в различных секторах экономики, то возникнут существенные тренды по высвобождению работников и потребность в повышении их квалификации и смене профессий.

Динамичное наращивание объемов выпуска в секторе производства машин и оборудования должно способствовать преодолению технологической зависимости базовых отраслей российской экономики, что предполагает активизацию деятельности научно-технического потенциала и создание собственных промышленных производств, позволяющих обеспечить технологическую независимость страны от внешних поставщиков по номенклатуре продукции, необходимой для обеспечения допустимого уровня жизнедеятельности и безопасности. Следует также иметь в виду, что самодостаточность в производстве инвестиционного оборудования вызовет масштабный мультипликационный эффект в экономике, расширив внутренние инвестиционные возможности для развития основных отраслей национального хозяйства, включая такие приоритетные для экономического роста отрасли, как сельское хозяйство и строительство. Российский рубль получит дополнительное товарное обеспечение в важнейшем для экономического роста секторе экономики, что расширит его эмиссионную базу, сократив зависимость динамики развития от внешних источников финансирования.

Разумеется, удовлетворение потенциального спроса внутреннего рынка требует наращивания выпуска соответствующих объемов конкурентной продукции с учетом соотношения цена-качество. Эта задача не может быть решена лишь на основе улучшения общей инвестиционной среды, а требует реализации активной промышленной политики целевого проектного подхода с выходом на формирование и реализацию конкретных инвестиционных проектов по развитию новых производственных мощностей в различных отраслях промышленности, включая и новые индустрии на основе прорывных технологий. Реализация такого подхода предполагает, прежде всего, изменение характера программных документов развития промышленности с концептуального (общие цели и параметры, совершенствование общих условий и стимулирования инвестиционной деятельности) на проектный, когда целевые параметры развития подкрепляются конкретными инвестиционными проектами, предлагаемыми для реализации частному бизнесу [9].

Вместе с тем в среднесрочной и долгосрочной перспективе повышение глобальной конкурентоспособности российской экономики связано не только и даже не столько с импортозамещением в секторе производства машин и оборудования, а также современных приборов, но и с формированием глобальных рынков новых инновационных товаров. Если рассматривать общемировую тенденцию, то расширение спроса на основе формирования новых продуктовых глобальных рынков и новых индустрий будет связано с развитием прорывных технологий нового технологического уклада, так называемых НБИК (нано-, био-, информационных и когнитивных) технологий и производством широкого спектра товаров на их основе [10]. В таком контексте долгосрочные перспективы роста конкурентоспособности российской экономики связаны с динамичным формированием новых индустрий (ядра производств), связанных, в свою очередь, с внедрением НБИК-технологий и продвижением на внешние рынки прорывной инновационной продукции, что должно обеспечить рост глобальной конкурентоспособности национального хозяйства и способствовать диверсификации экспортной базы национальной экономики. Таким образом, в контексте масштабной диверсификации экспортной базы российской экономики приоритетные направления структурной модернизации лежат

в плоскости формирования новых продуктовых рынков на основе научно-технологических приоритетов, практическая реализация которых должна приводить к возникновению ядра промышленных производств, основанных на новых перспективных технологиях. При реализации такой модели инновационного роста структурные приоритеты промышленного развития выстраиваются на основе научно-технологических приоритетов, как завершающий этап инновационного процесса. Собственно такой процесс зарождения и формирования новых секторов промышленности и определяет содержание понятия «новая индустриализация». Следует также иметь в виду, что необходимость сохранения в России на длительную перспективу самодостаточного оборонно-промышленного комплекса потребует наращивания технологических компетенций и производственных мощностей по широкому спектру направлений нового технологического уклада. В какой мере станет возможным и целесообразным осуществлять трансферт технологий в гражданский сектор, в каких масштабах наращивать мощности производств нового технологического уклада для гражданского сектора экономики — надо решать конкретно, применительно к различным технологиям и продуктам в зависимости от обеспечения их конкурентоспособности на внутреннем и глобальных рынках.

Таким образом, в сложившихся в современной России условиях структурный разворот национальной промышленности должен опираться на выбор рационального соотношения между наращиванием выпуска продукции перспективного технологического уклада для позиционирования на перспективных глобальных рынках и широкомасштабной модернизацией отраслей обрабатывающего сектора, прежде всего — машиностроения и современного приборостроения, формирующих технологический уровень основных секторов российской экономики.

РЕСУРСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Особенностью предстоящего долгосрочного периода экономического развития страны станет усиление ресурсных ограничений для экономического роста. Такие ограничения касаются как трудовых ресурсов (в силу складывающейся демографической ситуации), так и капитальных ресурсов в овеществленной (машины и оборудование) и финансовой формах. Выше уже отмечалось, что нет оснований рассчитывать на благоприятное изменение внешнеэкономической ситуации и притока

«легких» валютных ресурсов в страну, что осложнит получение капитальных ресурсов (машин и технологического оборудования) с внешних рынков. Такие условия диктуют необходимость повышения эффективности использования основных факторов воспроизводственного процесса в формируемой модели экономического роста.

Опасения в отношении ограничений по труду связаны с предположением, согласно которому увеличение производственных мощностей сопряжено с необходимостью соответствующего увеличения численности занятых. На самом деле, должны происходить два противоположных процесса. С одной стороны, увеличение производства действительно требует увеличения численности работников. С другой — рост технологического уровня предприятий ведет к увеличению производительности труда и экономии рабочей силы при увеличении требований к ее квалификации. Отметим, что в ведущих экономиках мира переход к новому технологическому уровню (индустриализация 4.0) связывают с масштабным высвобождением рабочей силы, и проблема занятости приобретает совсем иной смысл.

Для России в предстоящем долгосрочном периоде темпы экономической динамики будут непосредственно зависеть от темпов роста производительности труда. Если страна активно вступит на путь реиндустриализации и масштабной технологической модернизации производственного аппарата в различных секторах экономики, то возникнут существенные тренды высвобождения работников и потребность в повышении квалификации и смене профессий. Вопрос в том, как сбалансируются эти две тенденции в экономике в целом — по отраслям и регионам.

Кроме того, на первоначальном этапе увеличению численности занятых в производстве могут способствовать: вовлечение в производство безработных и снижение их численности до уровня естественной безработицы; увеличение численности работающих пенсионеров в связи с ростом численности населения в возрасте старше трудоспособного; увеличение пенсионного обеспечения при более позднем выходе на пенсию; постепенное увеличение возраста выхода на пенсию; повышение величины страхового стажа для получения трудовой пенсии. Вместе с тем при принятии решения о повышении возраста выхода на пенсию необходимо учитывать целый ряд факторов, прежде всего — оценку перспективного состояния баланса трудовых ресурсов с учетом возможного высвобождения работающих в результате широкомасштабного обновления производственного капитала.

ОСНОВНЫЕ ФОНДЫ И ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

Вывод экономики на целевые ориентиры в 6-7% годового прироста на длительном временном тренде потребует доведения за три — пять лет доли инвестиций до 30% ВВП с их последующим динамичным наращиванием с темпами не ниже общеэкономической динамики. По масштабам ВВП в 2015 г. это означало бы прирост инвестиций в нефинансовые активы в размере 9,7 трлн руб., или увеличение их роста в 1,6 раза. Из этой суммы не менее 40% должно приходиться на машины и оборудование, в которых доля импорта составляет около 50%, т.е. общая доля импорта в инвестициях в нефинансовые активы должна составлять не менее 20%. В результате дополнительная потребность в валютном обеспечении инвестиционного процесса может быть оценена на уровне не менее 32 млрд долл. США год с последующим ежегодным приростом на уровне 7–9%. Обеспечить такой рост инвестиций за счет внешних источников представляется нереальным, даже при устранении геополитической конфронтации с потенциальными партнерами и достижении идеальных значений индикаторов состояния финансовой стабильности — темпа инфляции, уровня и темпов роста государственного долга. Таким образом, при переходе к политике активной поддержки экономического роста финансовое обеспечение инвестиционной деятельности становится одной из ключевых проблем денежной политики. Ее решение за счет государственных (бюджетных) ресурсов в рыночной экономике невозможно, как в силу естественных ресурсных ограничений бюджетной системы, так и экономического содержания процесса, бюджетные инвестиции воспроизводят государственную собственность, снижением доли которой постоянно озабочены МВФ и российское правительство. Косвенная поддержка экономического роста при помощи бюджетных средств может осуществляться через инвестиции в уставной капитал институтов развития (специализированные банки и фонды) и целевые ограничения налоговых сборов с условием их трансформации в капитальные вложения, а также при субсидировании за счет бюджета части процентной ставки для заемщиков некоторых отраслей экономики.

В России масштабная поддержка инвестиционного процесса мерами денежно-кредитной по-

литики ограничивается состоянием финансовой сферы страны, — в течение последних пятнадцати лет, прошедших после трансформационного спада, так и не удалось восстановить условия, приемлемые для поддержания динамичного роста экономики, прежде всего — цену кредитных ресурсов. Уровень такой цены должен быть меньше показателя рентабельности деятельности в отраслях обрабатывающего сектора экономики, развитие которых должно формировать основные направления структурной модернизации экономики (7–10% рентабельности продаж). Это, в свою очередь, диктует требования к ставке инвестиционного кредита, не превышающей 6-8% годовых на длительный срок (сейчас 12-14%). Соответственно, ключевая ставка ЦБ, к которой привязаны ставки по другим операциям ЦБ (прежде всего, по предоставлению ликвидности банкам), должна быть еще несколько ниже, но не ниже показателя уровня инфляции. Поэтому для ЦБ уровень инфляции является важнейшим индикатором для формирования основных направлений денежно-кредитной политики (ДКП), а таргетирование инфляции и снижение ее до уровня 4% в 2017 г. провозглашено основным приоритетом такой политики. Правда, даже при достижении уровня инфляции ниже 4%, не понятно, каким образом ЦБ начнет насыщать экономику финансовыми ресурсами в интересах финансирования динамичного наращивания инвестиционного процесса.

Понимая, что стандартные механизмы рефинансирования не позволяют преодолеть экономический спад, и ставки держатся на слишком высоком уровне, ЦБ уже в течение нескольких лет использует специальные механизмы долгосрочного рефинансирования с целью поддержки ряда приоритетных секторов экономики. Однако масштабы такого финансирования исчисляются десятками миллиардов рублей и не могут сыграть заметную роль для существенного наращивания инвестиционной деятельности в масштабах всей экономики.

Теоретически масштабы кредитной эмиссии могут быть существенно расширены, когда ЦБ под гарантии государства (определенные ценные госбумаги со сроком погашения 15–20 лет) кредитует специализированные институты развития, которые, в свою очередь, кредитуют на льготных условиях приоритетные инвестиционные проекты различных секторов национальной промышленности. Льготные условия касаются цены кредита и срока, на который предоставляется кредит. Поскольку речь идет, прежде всего, о кредитовании обрабатывающего сектора

промышленности, цена кредита должна ориентироваться на рентабельность проекта, а срок — на период создания и окупаемости создаваемых мощностей, т.е. кредит — на срок не менее 5–6 лет под 5–7% годовых, а в отдельных случаях и меньше. Финансирование осуществляется по схеме государственно-частного

ции проекта государственного института развития и частного инвестора. Доля льготного кредита не превышает определенную часть (например, половину) стоимости проекта и используется на закупку оборудования.

партнерства, т.е. совместного участия в реализа-

По сути, речь идет о формировании специального инвестиционного контура для финансирования конкретных опорных проектов — локомотивов — через институты развития, в качестве которых могут выступать как государственные банки и фонды, так и негосударственные, при определенной системе контроля за движением получаемых от ЦБ кредитных ресурсов. Такая схема достаточно успешно использовалась в мировой экономической практике в послевоенной Японии, Южной Корее, Сингапуре, позднее — в КНР [11].

Отдельные элементы такой системы уже сформированы в России. Создан институт развития, в роли которого выступает Внешэкономбанк, сформирован Фонд развития промышленности, о котором уже упоминалось выше. Собственно, такую модель денежно-кредитной политики и предлагает реализовать Столыпинского клуб в своей программе «Стратегия роста» [12], против которой выступают не только А. Кудрин и финансово-экономический блок российского правительства, но и большая часть экспертного сообщества, ориентированного на сформировавшийся в 80-е гг. идеологический мейнстрим в духе «Вашингтонского консенсуса».

Оппоненты эмиссионной политики, предлагаемой в Стратегии роста, справедливо указывают на возникающие риски [13, 14]. Действительно, при масштабном развитии предлагаемой эмиссионной схемы необходимо учитывать ряд серьезных условий и рисков и предусмотреть меры по их преодолению.

Во-первых, необходимо учитывать риск ускорения инфляции как следствие «финансового форсажа», хотя зависимость российской инфляции от роста денежной массы не так очевидна. Так, например, в период экономического роста в 2000–2007 гг. ежегодный рост денежной массы в среднем превышал 40%, а темпы инфляции из года в год снижались. Годовой прирост потребительских цен снизился с 20,2% в 2000 г. до 9% в 2006 г., т.е. при высоких темпах роста

денежной массы инфляция замедлялась. Одним из важных факторов, позволивших в этот период смягчить влияние стремительного роста денежной массы на цены, явилось укрепление рубля по отношению к доллару. В условиях же экономического спада, когда происходит девальвация, рост денежной массы замедляется, а инфляция, наоборот, ускоряется, ибо в это время она определяется прежде всего ростом обменного курса инвалюты. Так было в 2008 г., это же повторилось и в 2014 г. когда денежная масса выросла всего на 2,2%, а цены — на 11,4%.

Вместе с тем целевая кредитная эмиссия нацелена на финансирование инвестиционного процесса, но часть финансовых средств, естественно, будет расходоваться на прирост фонда оплаты труда и увеличивать платежеспособный спрос, который нуждается в товарном обеспечении.

Таким образом, структурная политика экономического роста должна предусматривать увеличение товарного покрытия прироста доходов населения. Реализация широкомасштабной программы жилищного строительства на основе доступной ипотеки как один из важнейших структурных приоритетов, о чем уже говорилось выше, существенно повысит у населения мотивацию к сбережениям, что может сдерживать рост потребительского спроса и инфляцию.

Во-вторых, необходимо понимать, что масштабное наращивание кредитной эмиссии означает постоянное рефинансирование институтов развития, поскольку на отдачу от реализации инвестиционного проекта промышленного назначения вряд ли стоит рассчитывать ранее, чем через пять-шесть лет. По крупным инфраструктурным проектам возврат денег может растянуться на десятилетия, что потребует периодической докапитализации институтов развития. Пример Внешэкономбанка достаточно симптоматичен.

Использование кредитной эмиссии «по-крупному», на триллионы инвестиционных рублей, способно в течение пятилетия увеличить внутренний долг по отношению к ВВП еще на 25%. Однако сам по себе этот индикатор финансовой системы важен в основном для международных рейтингов, внешних заимствований и привлечения инвестиций со стороны международных финансовых институтов.

Наращивание внутреннего долга за счет возвратных кредитов уже содержит включенный в систему механизм его погашения, хотя определенный процент невозврата ресурсов следует ожидать. Минимизация таких потерь будет зависеть от качества

проработки программ и проектов для целевого проектного финансирования и прозрачности хода их реализации. Как представляется, формирование эффективных механизмов целевой кредитной эмиссии и их встраивания в общую систему реализации долгосрочной стратегии социально-экономического развития и программ развития отдельных секторов экономики потребует определенного времени.

В-третьих, в рассматриваемой модели финансовой поддержки экономического роста особого внимания заслуживает курсовая и валютная политика. Учитывая высокую зависимость как российской экономики в целом, так и инвестиционного комплекса от импорта, расширение масштабов инвестиционной деятельности существенно увеличит спрос экономики на валюту. При сложившейся в России доли импорта в инвестициях их увеличение на каждый 1 млрд руб. будет генерировать дополнительный спрос на валюту в размере не менее 3-4 млн долл. США (при курсе 60 руб. за 1 долл. США). По мере развития процессов структурной перестройки экономики и импортозамещения иностранного технологического оборудования эта доля может снижаться, но заметные изменения, скорее всего, могут наступить не раньше, чем через пять лет после начала реализации динамичной политики структурной модернизации российской экономики.

Таким образом, в рассматриваемой модели эмиссионной политики валютные ресурсы экономики выступают важнейшим ограничителем масштабов целевой кредитной эмиссии, а их накопление в интересах поддержания экономического роста — первостепенной задачей валютной политики. Такая политика, прежде всего, должна ориентироваться на снижение волатильности обменного курса. При большой доле импорта в российской экономике рост курса инвалюты прямо ведет к росту цен, причем не только импортных товаров, но и отечественных, а возврат его на прежний уровень не ведет к такому же возврату цен — укрепление рубля в меньшей степени влияет на их снижение. У населения и юридических лиц также усиливается стимул к переводу сбережений в инвалюту, для ослабления которого коммерческие банки вынуждены повышать ставки по депозитам и, соответственно, по кредитам. Резкие колебания курса неблагоприятны и для разработки инвестиционных проектов, ибо усиливают экономическую неопределенность.

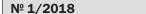
Таким образом, необходимо вернуться к управляемому обменному курсу, ограничивая диапазон его колебаний с помощью валютных интервенций.

Такие ограничения позволят успешнее использовать денежно-кредитную политику для поддержки экономического роста, снижения процентных ставок, без чего невозможно стимулировать экономический рост. В этой связи целесообразно критически оценить сформировавшиеся в стране чрезмерно либеральные правила валютных операций и ввести разумные ограничения на такие операции, не связанные с обслуживанием внешнеторгового оборота и инвестиционной деятельности в реальном секторе экономики.

Однако главным условием успешной реализации предлагаемой Столыпинским клубом схемы финансирования динамичного экономического роста является то, что ее объемы должны ограничиваться масштабами имеющихся в экономике реальных инвестиционных ресурсов (оборудование, сырье и материалы, валютные ресурсы, направляемые на поддержку инвестиционного процесса) для отобранных инвестиционных проектов, с минимизацией импортной составляющей. В такой эмиссионной схеме ЦБ, по сути, выделяет кредитные ресурсы под товарное обеспечение реализуемых инвестиционных проектов. Это означает, что среднесрочные и текущие эмиссионный планы ЦБ должны опираться на достаточно обоснованный инвестиционный план развития, который разрабатывается за рамками финансового контура.

Такой план может формироваться на основе приоритетных проектов, разрабатываемых в ходе составления программ развития различных секторов национального хозяйства, что предусмотрено действующим законодательством. В свою очередь, такие программы должны быть достаточно скоординированы между собой и обеспечивать как формирование новых рынков инновационной продукции, так и устойчивость и сбалансированность развития экономики на основе импортозамещения и инфраструктурного обустройства страны. При этом важно понимать, что успех реализации предлагаемой схемы кредитной эмиссии зависит от выбора объектов кредитования и того мультипликативного эффекта, который такие инвестиционные объекты будут оказывать на экономический рост.

Для реализации такой финансовой модели необходим целый комплекс мер по обеспечению прозрачности функционирования денежных потоков, формированию затрат и результатов, ограничению валютных спекуляций и утечки капиталов за рубеж. Это потребует иного качества содержательной работы соответствующих государственных институ-

тов, прежде всего, министерств отраслевого блока и структур, отвечающих за развитие конкретных секторов экономики. Таким образом, смена эмиссионного механизма не может реализовываться без изменения общей идеологии и практики управления экономическим развитием страны.

Экономика России, действительно, оказалась перед угрозой затяжной стагнации со всеми вытекающими геополитическими и социальными рисками. Преодоление сложившегося негативно-

го тренда на основе сохранения прежнего курса экономической и финансовой политики вряд ли возможно в принципе. Изменения также таят серьезные риски, но вряд ли такие риски опаснее рисков стагнационной «стабильности». Выбор в таких случаях, как обычно, носит политический характер, который лежит за рамками экономического анализа, но должен основываться на взвешенном балансе желаемого эффекта рисков и угроз.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 15-02-00226).

ACKNOWLEDGMENTS

The work was completed with financial support from the Russian Foundation for Basic Research (project No. 15–02–00226).

список источников

- 1. Белановский С.А., Дмитриев М.Э., Комаров В.М., Комин М.О., Коцюбинский В.А., Никольская А.В. Анализ факторов реализации документов стратегического планирования верхнего уровня. URL: http://csr.ru/wp-content/uploads/2016/12/Report-on-strategy.pdf.
- 2. Шаститко А.Е., Павлова Н.С., Кудрин А.Л., Мелешкина А.И., Фатихова А.Ф. Основные направления защиты конкуренции. Доклад ЦСР. URL: http://csr.ru/wp-content/uploads/2016/12/Doklad konkurentsiya.pdf.
- 3. Сальникова В.А., Апонкин А.Ю., Галимов Д.И., Гнидчеко А.А., Голощапова И.О., Михеева О.М., Рыбал-ка А.И., Шухгальтер М.Л. Анализ важнейших структурных характеристик производственных мощностей обрабатывающей промышленности России. Доклад ЦСР. URL: http://csr.ru/wp-content/uploads/2017/01/Doklad_promyshlennye-moshhnosti.pdf.
- 4. Аузан А.А., Авдиенкова М.А., Андреева Д.А., Бахтигараева А.И., Брызгалин В.А., Бутаева К.О., Вебер Ш., Давыдов Д.В., Золотов А.В., Никитин К.М., Никишина Е.Н., Припузова Н.А., Ставинская А.А. Социо-культурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ. Доклад ЦСР. URL: http://csr.ru/wp-content/uploads/2017/10/report-sf-2017–10–12.pdf.
- 5. Данилов О.А., Абрамов А.Е., Буклемишев О.В. Реформа финансовых рынков и небанковского финансового сектора. Доклад ЦСР. URL: http://csr.ru/wp-content/uploads/2017/07/Report-Financial-markets-v2-web.pdf.
- 6. Княгинин В.Н., Идрисов Г.И., Кузьмина А.С., Рожкова Е.С., Санатов Д.В., Султанов Д.К. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России. URL: http://csr.ru/wp-content/uploads/2017/10/novaya-tehnologicheskaya-revolutsiya-2017.
- 7. Стадвелл Д. Азиатская модель управления: удачи и провалы самого динамичного региона в мире. М.: Альпина Паблишер, 2017. 322 с.
- 8. Филатов В.И. Импортозамещение и формирование новой модели экономического роста российской экономики // Вестник Института экономики РАН. 2015. № 2. С. 76–86.
- 9. Ленчук Е.Б., Власкин Г.А., Филатов В.И. Новая индустриализация как условие формирования инновационной модели развития российской экономики // Федерализм. 2014. № 1. С. 19–46.
- 10. Казанцев А.К., Киселев В.Н., Рубвальтер Д.А., Руденский О.В. NBIC- технологии: Инновационная цивилизация XXI века. М.: ИНФА-М, 2012. 384 с.
- 11. Миркин Я.М., Кудинова М.М., Левченко А.В., Бахтараева К.Б., Жукова Т.В., Бунатян А.Г. Финансовые стратегии модернизации экономики: мировая практика. М.: МАГИСТР, 2015. 496 с.
- 12. Титов Б., Широв А. Стратегия роста для России // Вопросы экономики. 2017. № 12, С. 24–39.
- 13. Идрисов Γ ., Мау В., Божечкова А. В поисках новой модели экономического роста // Вопросы экономики. 2017. № 12. С. 5–23.

14. Кудрин А., Горюнов Е., Трунин П. Стимулирующая денежно-кредитная политика: мифы и реальность // Вопросы экономики 2017. № 5. С. 5–28.

REFERENCES

- 1. Belanovskij S.A., Dmitriev M.E., Komarov V.M., Komin M.O., Koczyubinskij V.A., Nikol`skaya A.V. Analysis of Factors for Implementation of Documents of Strategic Planning of the Top Level. Report of CSR. URL: http://csr.ru/wp-content/uploads/2016/12/Report-on-strategy.pdf (In Russ.).
- 2. Shastitko A.E., Pavlova N.S., Kudrin A.L., Meleshkina A.I., Fatixova A.F. The main directions of competition protection. Report of CSR. URL: http://csr.ru/wp-content/uploads/2016/12/Doklad konkurentsiya.pdf. (In Russ.).
- 3. Sal`nikov V.A., Aponkin A. Yu., Galimov D.I., Gnidcheko A.A., Goloshhapova I.O., Mixeeva O.M., Ry`balka A.I., Shuxgal`ter M.L. Analysis of the most important structural characteristics of production capacities of the manufacturing industry in Russia. Report of the CSR. URL: http://csr.ru/wp-content/uploads/2017/01/Doklad_promyshlennye-moshhnosti.pdf. (In Russ.).
- 4. Auzan A.A., Avdienkova M.A., Andreeva D.A., Baxtigaraeva A.I., Bry`zgalin V.A., Butaeva K.O., Veber Sh., Davy`dov D.V., Zolotov A.V., Nikitin K.M., Nikishina E.N., Pripuzova N.A., Stavinskaya A.A. Sociocultural factors of innovative development and successful implementation of reforms. URL: http://csr.ru/wp-content/uploads/2017/10/report-sf-2017–10–12.pdf. (In Russ.).
- 5. Danilov O.A., Abramov A.E., Buklemishev O.V. Reform of financial markets and non-banking financial sector. URL: http://csr.ru/wp-content/uploads/2017/07/Report-Financial-markets-v2-web.pdf. (In Russ.).
- 6. Knyaginin V.N., Idrisov G.I., Kuz`mina A.S., Rozhkova E.S., Sanatov D.V., Sultanov D.K. A new technological revolution: challenges and opportunities for Russia. URL: http://csr.ru/wp-content/uploads/2017/10/novaya-tehnologicheskaya-revolutsiya-2017. (In Russ.).
- 7. Studwell J. How Asia Works: Success and Failure in the World's Most Dynamic Region. Moskva: Al`pina Pablisher; 2017, 322 p.
- 8. Filatov V.I. Import substitution and formation of a new economic growth model in the Russian economy. *Vestnik Instituta ekonomiki RAN* = *Bulletin of the Institute of Economics RAS*. 2015;2:76–86. (In Russ.).
- 9. Lenchuk E.B., Vlaskin G.A., Filatov V.I. New industrialization as a condition for transition to an innovative development model of the Russian economy. *Federalizm = Federalism*. 2014;1:19–46. (In Russ.).
- 10. Kazancev A.K., Kiselev V.N., Rubval`ter D.A., Rudenskij O.V. NBIC-technologies: The innovative civilization of the XXI century. Moscow: INFRA-M; 2012, 384 p. (In Russ.).
- 11. Mirkin Ya.M., Kudinova M.M., Levchenko A.V., Baxtaraeva K.B., Zhukova T.V., Bunatyan A.G. Financial strategies of economic modernization: world practice. Moscow: Magistr; 2015, 496 p. (In Russ.).
- 12. Titov B., Shirov A. Strategy of growth for Russia. *Voprosy`ekonomiki = Economic Issues*. 2017;12:24–39. (In Russ.).
- 13. Idrisov G., Mau V., Bozhechkova A. Searching for a new growth model. *Voprosy`ekonomiki = Economic Issues*. 2017;12:5–23. (In Russ.)
- 14. Kudrin A., Goryunov E., Trunin P. Stimulative monetary policy: Myths and reality. *Voprosy`ekonomiki = Economic Issues*. 2017;5:5–28 (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Елена Борисовна Ленчук — доктор экономических наук, директор Института экономики РАН, Москва, Россия lenchuk@transecon.ru

Владимир Иванович Филатов — кандидат экономических наук, заведующий Центром Института экономики РАН, Москва, Россия vladimir filatov@mtu-net.ru

ABOUT THE AUTHORS

Elena B. Lenchuk — Doctor of Economics, Director of Institute of Economy, RAS, Moscow, Russia lenchuk@transecon.ru

Vladimir I. Filatov — Ph.D. in Economy, Head of Department of Institute for Economy, RAS, Moscow, Russia vladimir_filatov@mtu-net.ru

№ 1/2018